

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-188-192

ИСТОРИЯ И МИФ В РОМАНЕ ЛЕОНИДА ЮЗЕФОВИЧА «ФИЛЭЛЛИН»

© Альбина Салахова

HISTORY AND MYTH IN LEONID YUZEFOVICH'S NOVEL "PHILHELLENE"

Albina Salakhova

The article analyzes L. Yuzefovich's novel "Philhellene" from the point of view of its historical and mythological (mythopoetic) codes' functions. The purpose of the work is to identify historical and mythological encodings in the novel, using descriptive and mythopoetic research methods. Particular attention is paid to the analysis of the type of hero, the character system, as well as the identification of the novel chronotope and the justification of its genre characteristics. We argue that L. Yuzefovich's novel is not a historical novel in the generally accepted sense. Although "Philhellene" has the necessary markers of the historical novel genre, L. Yuzefovich, through the category that we call "duality", rises to the level of the symbolic generalization characteristic of myth. In his authorial myth, history, mythologized history, mythology, epic and legend coexist in one space, determining the originality of the novel world of "Philhellene". We analyze the image of the main character, Mostsepanov who reveals a clear similarity with the image of the epic hero. In his wanderings, a mythopoetic chronotope is embodied through the prism of L. Yuzefovich's authorial myth. The article states that L. Yuzefovich sees Greece's path to prosperity through the merging of two related national identities – Russian and Greek – so Mostsepanov becomes the embodiment of this synthesis. As a result of the above statements, "Philhellene" can be characterized as a historical-mythological novel with a predominance of the mythological code.

Keywords: historical-mythological novel, mythopoetics, L. Yuzefovich, authorial myth, epic hero

В статье произведена попытка анализа романа Л. Юзефовича «Филэллин» с точки зрения функционирования в нем исторического и мифологического (мифопоэтического) кодов. Цель работы – выявление исторической и мифологической кодировок в романе при помощи описательного и мифопоэтического методов исследования. Особое внимание уделено анализу типа героя, системы персонажей, а также выявлению романного хронотопа и обоснованию жанровой характеристики. Автором статьи утверждается, что роман Л. Юзефовича не является историческим романом в общепринятом смысле. Хотя «Филэллин» обладает необходимыми маркерами жанра исторического романа, Л. Юзефович через особенность взгляда, которую мы называем «раздвоенностью», поднимается до уровня символического обобщения, свойственного мифу. В его авторском мифе история, мифологизированная история, мифология, эпос и легенда уживаются в одном пространстве, обуславливая самобытность романного мира «Филэллина». Автором статьи осуществлен анализ образа главного героя, Мосцепанова, который обнаруживает явное сходство с образом эпического героя, а в его странствиях воплощен мифопоэтический хронотоп через призму авторского мифа Л. Юзефовича. Утверждается, что Л. Юзефович видит путь Греции к процветанию через слияние двух родственных народных самосознаний – русского и греческого, и воплощением этого синтеза становится Мосцепанов. В результате вышеперечисленных утверждений «Филэллин» можно охарактеризовать как историко-мифологический роман с преобладанием мифологического кода.

Ключевые слова: историко-мифологический роман, мифопоэтика, Л. Юзефович, авторский миф, эпический герой

Для цитирования: Салахова А. История и миф в романе Леонида Юзефовича «Филэллин» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 188–192. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-188-192

Роман Л. Юзефовича «Филэллин» на первый взгляд представляет собой эпистолярный исторический роман, в котором дневниковые записи перемежаются письмами и даже мысленными разговорами героев. Как такового автора здесь нет – он передоверяет свой голос нескольким десяткам персонажей, тем самым претендуя на историчность повествования. «Филэллин» обладает некоторыми маркерами исторического романа (хотя перед нами, скорее, роман об историческом прошлом): он разворачивается в декорациях определенной эпохи, которую от современности отделяет практически двести лет, в нем фигурируют деятели описываемой эпохи, а в своем изложении событий Л. Юзефович не грешит против достоверности. И все же историчность романа в некоторой степени условна. В «Филэллине» нет непреложного, единственного знания истории; история греческого восстания складывается перед нами из множества часто противоречащих друг другу свидетельств, которые, как мозаика, образуют сюжетную канву. В авторском предисловии к «Филэллину» Леонид Юзефович пишет: «Этот роман гораздо более исторически достоверен, чем может показаться» [1, с. 7]; однако: «Я не ставил своей задачей реконструкцию прошлого» [Там же]. В одном из своих интервью писатель замечает: «„Филэллин“ – скорее вариации на исторические темы» [2]. История в романе перетекает в миф, миф сосуществует с преданием и эпосом, и все они соседствуют с низкой народной поэзией. Г. М. Ребель определила жанровую принадлежность «Филэллина» как историко-мифологический роман [3, с. 620] – этот термин, на наш взгляд, помогает понять поэтику романа, хотя мифологическое у Л. Юзефовича в «Филэллине», скорее, преобладает над историческим. История у Л. Юзефовича предстает не как документальное линейное повествование, автор в своем видении истории поднимается до обобщенно-символического образа событий (чего стоит, к примеру, апокалиптическое видение Александром Греции, усеянной маками и статуями, то есть кровью и смертью), обращаясь к мифу, легенде, эпосу, мифологизированной истории.

Слово «филэллин» обозначает людей, сочувствовавших Греции в ее освободительном движении против Османской империи. Причем, по Л. Юзефовичу, филэллины – это не только те, кто непосредственно принимал участие в греческой революции, но всякий, в чьем сердце пылает «огонь любви к Греции» [1, с. 367]. Греческая революция становится полюсом, притягивающим к себе всех персонажей романа, как вымышленных, так и реальных исторических лиц,

среди которых император Александр I, князь Александр Ипсиланти, лорд Байрон, барон и баронесса Криднеры, турецкий султан и греческие повстанцы. Однако большинство исторических деятелей не играют в сюжете значительную роль, появляясь где-то на периферии, кроме разве что Александра I, хотя и личность императора мы видим исключительно глазами его приближенных, в камерной обстановке, а сам он не является субъектом повествования.

По словам Л. Юзефовича, в «Филэллине» он, автор, выступает не в качестве историка, пытающегося отделить образ Александра от его мифологического ореола, а в качестве создателя «собственного мифа о нем» [2]. Император Александр у Л. Юзефовича в первую очередь обычный человек, руководствующийся в своих действиях не политическим умыслом, а нравственным чувством.

Некоторые персонажи имеют реально существовавших исторических прототипов (так, например, французский филэллин Шарль Николя Фавье стал Шарлем-Антуаном Фавье), однако наиболее значимые для повествования герои – вымышленные лица. В их числе главный герой Григорий Мосцепанов, отправляющийся в Грецию на войну с турецким игом.

Характерной чертой персонажей романа является их «раздвоенность». «Греция учит нас жить с трещиной в сердце» [1, с. 68] – эта реплика Фавье может быть применима ко всем центральным героям романа Л. Юзефовича. Фавье воюет за свободу Греции, но довольно цинично смотрит на недостатки современных греков; Ибрагим-паша – грек, который принял ислам и сражается на стороне турков; лекарь Костандис ведет двойную жизнь, работая греческим агентом при русском дворе. Император Александр, которого не раз за глаза называют «Протеем», стремится во всем отыскать середину – он руководствуется высокими принципами гуманизма и отказа от насилия, но в своем гуманизме он предстает равнодушным к страданиям греческого народа.

Только Мосцепанов является единственным цельным персонажем романа. Мосцепанов – отставной штабс-капитан, правдоискатель с Урала, вечный странник, одновременно и мифологический трикстер, и богатырь из славянского эпоса. Он единственный из всех героев, кто не противится своей судьбе. Мосцепанов покоряется воле «вышнего водительства» [Там же, с. 309] и признает его силу, однако он же – единственный, кто способен противостоять неумолимому року. Фортуна определенно благоволит Мосцепанову. Все остальные, даже «величайший и счастли-

вейший из монархов» [Там же, с. 245] Александр, не могут противиться своей судьбе именно по той причине, что они всеми силами пытаются ее избежать, и чем больше они это делают, тем более тщетными являются их попытки. Мосцепанов же описывается как человек, «нарушивший предначертания судьбы» [Там же, с. 374]. Все это позволяет охарактеризовать Мосцепанова как эпического героя. По А. Гуревичу, эпический герой отличается целостностью образа; его не мучают колебания и сомнения; он олицетворяет собой некое особое, исключительное качество; его характер проявляется преимущественно в действиях, а его речь проста и тяготеет к народному началу (заметим, что Мосцепанов склонен к пословицам, поговоркам, присказкам, инверсии слов, и порой его речь принимает сказовый характер). Эпический герой не противится своей судьбе, он принимает фатум во всех его воплощениях и не колеблясь идет ему навстречу. Эпический герой не бывает свободен в выборе принятых решений, и ему остается только доблестно исполнить то, для чего он предназначен [4, с. 6]. Предназначением Мосцепанова становится ранение Ибрагим-паши, которое переломило весь ход войны и поспособствовало победе креста над полумесяцем. Причем важно, что он только ранил, а не убил Ибрагим-пашу – Мосцепанов, руководствующийся высшим идеалом, никогда никому не причинил зла.

Важной особенностью романа Л. Юзефовича является многослойность повествования. Сквозь одни эпохи в романе просвечивают другие, они отражаются и притягиваются, складываясь в сложную мозаику. Так, правление Александра I сравнивается с правлением Александра Македонского, который является его мифологическим двойником. Особенно явной эта связь становится в эпизоде смерти императора Александра. Так же, как его великий тезка, он на протяжении месяца остается непогребенным, его тело бальзамируется, а останки Александра I, как и останки Александра Македонского, обещают вечное процветание земле, в которой упокоятся. Правление александрийской династии Птолемеев, особенно их бюрократия, явно отражают устройство Российского государства, а в Санкт-Петербурге видится воплощение новой Александрии. Египетские жрецы пророчат Александрии гибель от потопа, и отчасти это находит свое отражение в петербургском наводнении 1824 г.

То же самое характерно для Греции, которая как бы существует в двух реальностях. На страницах романа оживают два образа Греции – Греция мифологическая, населенная богами и героями, и Греция современная для персонажей,

населенная разбойниками и пиратами, совершенно непохожая на себя прошлую: «Сегодня <...> Греция – пустотелая оболочка того, что когда-то было трапезой богов» [1, с. 37]. Филэллины видели два воплощения Греции: они были очарованы Грецией легендарного прошлого и перемещали ее в утопическое будущее [5], где Греция мыслилась как идеал братства всех ветвей христианства [1, с. 148], однако настоящего у нее, по сути, нет: в настоящем Греция спит заколдованным сном и ее населяют тени. В том виде, в каком Греция представлялась филэллинам, она кажется пародией на великую когда-то древнюю страну. Пародией стали даже существа из греческих мифов, которые под воздействием народного сознания подверглись причудливой метаморфозе:

«Речных наяд современные греки соединили с морскими nereидами и вдобавок приделали им рыбы хвосты, Харон у них стал не то вестником смерти, не то хозяином кладбищ, кентавры – его пастухами, гонимыми по ночным горам стада неприкаянных душ, нимфы – истеричными и злобными лесными ведьмами» [Там же, с. 302].

Эта раздвоенность пронизывает все полотно романа, деля его пространство на историческое и мифологическое.

Сквозными для романа являются тема судьбы и тема смерти, которые тесно переплетаются между собой. Тема судьбы находит свое воплощение в образе бога Сераписа, покровителя тех, кто сражается с роком. Александрийские Птолемеи чтили этого бога выше всех прочих, и именно в Александрию стекались все, гонимые роком. Тема смерти же воплощена в образе бога Харона (именно Харона, а не Аида, так как Аид повелевал смертью в старой Греции, в новой же его образ у малывается до всего лишь лодочника). Образ Харона у Л. Юзефовича весьма самобытен: в «Филэллине» Харон – пеший старец, который легко настигает всадников на быстрых скакунах, его «лик и одежда пестры, как шкура рыси, глаза – две зарницы» [Там же, с. 298]. Да и выбор Сераписа кажется весьма необычным, ведь он вовсе не является типичным богом олимпийского пантеона – это божество синкретическое, египетское и эллинское одновременно. Примечательно, что для воплощения эллинского мира Л. Юзефович выбирает умаленный народной фантазией образ Харона и синкретического бога Сераписа – ведь для классического олимпийского пантеона в новой Греции уже нет места. Все персонажи романа, как вымышленные, так и исторические, противостоят этим двум богам – Серапису и Харону, но никто, даже силь-

ные мира сего, не может противиться судьбе и смерти, за исключением разве что Мосцепанова, который не только нарушает предначертания судьбы, но и не раз погибает и воскресает из мертвых в глазах других персонажей. Только ему удается склонить на свою сторону и Харона, и Сераписа.

Критики и исследователи сравнивали Мосцепанова с Дон-Кихотом [6] и очарованным странником Лескова [3, с. 621]. На наш взгляд, его злоключения, в числе которых арест, бегство, смерть его мифологического двойника, отплытие в Грецию, участие в обороне Акрополя, являются своего рода одиссеей, за тем исключением, что, в отличие от Одиссея, целью странствий Мосцепанова становятся не родные пенаты, а афинский Акрополь, который Мосцепанов видит на гравюре, висящей в доме Натальи Бажиной.

Акрополь у Л. Юзефовича предстает также в двух измерениях: с одной стороны, это реально существующая древняя крепость, которую осаждают турки, с другой, Акрополь на страницах романа определенно символичен. Это мифологический центр всего путешествия Мосцепанова (примечательно, что в авторском мифе Юзефовича мифологический центр воплощает хаос, хотя обычно он является средоточием космоса) и то место, которое отражает его мечту о братстве всех народов. В эту крепость Мосцепанов уходит перед сном. В описании Мосцепановым Акрополя из его видений перед читателем предстает почти мифологическая картина:

«Стоит на горе, обнесен стеной с башнями. Внутри улицы дома все каменные, собор на площади, <...> а жителей немного. <...> А вокруг враги несметной силой, наш город среди их орд – остров в море. Оно хочет его затопить, ярится, лезет на скалы, но гора каменная высока, стена крепка» [1, с. 98].

Этот Акрополь является противоположностью мифологической Александрии, которая описывается как город жестокости и разврата, «вместилище всех пороков, и при всем том – обитель богов» [Там же, с. 111]. При этом Акрополь Мосцепанова едва ли достижим в реальности. В одном из видений Мосцепанов различает жителей этого города – и узнает среди них покойных родителей, утонувшего друга детства, погибшего товарища по полку: с одной стороны, Акрополь – это место братства и единения людей всех народов и вероисповеданий, с другой – царство смерти (интересно в этой связи, что Александрия и Царское Село также сравниваются с царством мертвых, – это тоже топонимы, лежащие как в исторической, так и в мифологической плоскостях).

В романе «Филэллин» Л. Юзефович не раз сравнивает греческую и русскую ментальности. Обоим народам присущ фатализм, что подчеркивается автором; Греция, как и Россия, называется полуазиатской страной, которую необходимо превратить в европейскую, и при этом еще «вернуть ей ее же собственное великое прошлое» [Там же, с. 360]. Важно также и то, что греки, в отличие от французов и англичан, являются православными, как и их русские братья, и именно в слиянии и братстве этих двух народов видится путь Греции к процветанию и счастью. Не зря сердце Александра I находит покой на греческой земле. И не зря Мосцепанов в итоге находит собственный покой в союзе с гречанкой, от которой появляется дочь Эвангелия, чье имя образовано от слова Евангелие. В финале романа Эвангелия декламирует «Ворону и лисицу» Крылова – выбор именно этого автора неслучаен. Басни Крылова восходят к басням Эзопа, и тем самым автор вновь подчеркивает преемственность и союз двух народов. Конец романа завершает картину всеобщего покоя и мира:

«Городской шум сюда не долетал. Трава продолжала звенеть, но этот звук лишь оттенял царившую вокруг тишину. Ее не нарушали даже птицы. Они пропели свои брачные песенки и замолчали до будущей весны» [Там же, с. 381].

В этом финале видится обещание возрождения и пробуждение после долгой зимы и спячки – и не только сезонной. Греция, которая много веков спала волшебным сном, начинает постепенно обретать былую силу и жить своей жизнью, а не навязанными филэллинами идеалами. Мифологическая цикличность жизни обеспечивает ее продолжение и бесконечность.

Таким образом, роман Л. Юзефовича «Филэллин» вбирает в себя как исторический, так и мифологический коды. Во многом это обусловлено выбранной тематикой, но в целом в современном русском романе использование мифопоэтического кода нам видится тенденцией, так как у авторов наблюдается интерес к включению мифопоэтики в ткань произведения. У Л. Юзефовича в «Филэллине» мифопоэтика становится глубиной прозрения: его текст выстроен как отражение и сопоставление исторического и мифологического. Писатель формирует свой авторский миф в декорациях определенной исторической эпохи, используя миф, эпос, предание, народное самосознание. Все это позволяет определить «Филэллин» как историко-мифологический роман.

Список источников

1. Юзефович Л. А. Филэллин. Роман в дневниках, письмах и мысленных разговорах героев с отсутствующими собеседниками. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 380 с.
2. Башмакова М. «Титаны исчезли не только в литературе». Леонид Юзефович – о своем новом романе «Филэллин» // Огонек. 2020. № 45. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565142> (дата обращения: 26.03.2024).
3. Ребель Г. М. Очарованный странник Леонида Юзефовича // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. Т. 31, № 3. С. 620–627.
4. Гуревич А. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 5–26.
5. Булкина И. Ниже травы и выше леса. Леонид Юзефович. Филэллин // Новый мир. 2021. № 3. URL: https://nm1925.ru/articles/2021/03-2021/nizhe-travy-i-vyshe-lesa/?sphrase_id=3101 (дата обращения: 30.03.2024).
6. Владимирский В. Дон Кихот из Пермской губернии. Чем интересен новый роман Леонида Юзефовича // Санкт-Петербургские ведомости. 2021. № 35 (6873). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/don-kikhot-iz-permskoy-gubernii-chem-interesen-novyy-roman-leonida-yuzefovicha/> (дата обращения: 30.03.2024).

References

1. Yuzefovich, L. A. (2021). *Filellin. Roman v dnevnikakh, pis'makh i myslennykh razgovorakh geroev s*

otsutstvuyushchimi sobesednikami [Philhellene. A Novel in Diaries, Letters and Mental Conversations of Heroes with Absent Interlocutors]. 380 p. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

2. Bashmakova, M. (2020). “*Titany ischezli ne tol'ko v literature*”. *Leonid Yuzefovich – o svoem novom romane “Filellin”* [“Titans Disappeared Not Only in Literature”. Leonid Yuzefovich – About His New Novel “Philhellene”]. *Ogonek*. No. 45. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565142> (accessed: 26.03.2024). (In Russian)

3. Rebel', G. M. (2021). *Ocharovannyi strannik Leonida Yuzefovicha* [The Enchanted Wanderer of Leonid Yuzefovich]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”*, Vol. 31, No. 3, pp. 620–627. (In Russian)

4. Gurevich, A. (1975). *Srednevekovyi geroicheskiy epos germanskikh narodov* [Medieval Heroic Epic of the Germanic Peoples]. *Beovulf. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh*. Pp. 5–26. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

5. Bulkina, I. (2021). *Nizhe travy I vyshe lesa. Leonid Yuzefovich. Filellin* [Below the Grass and Above the Forest. Leonid Yuzefovich. Philhellene]. *Novyi mir*. No. 3. URL: https://nm1925.ru/articles/2021/03-2021/nizhe-travy-i-vyshe-lesa/?sphrase_id=3101 (accessed: 30.03.2024). (In Russian)

6. Vladimirskii, V. (2021). *Don Kikhot iz Permskoi gubernii. Chem interesen novyi roman Leonida Yuzefovicha* [Don Quixote from the Perm Province. What Is Interesting about the New Novel by Leonid Yuzefovich]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. No. 35 (6873). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/don-kikhot-iz-permskoy-gubernii-chem-interesen-novyy-roman-leonida-yuzefovicha/> (accessed: 30.03.2024). (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2024
Поступила в редакцию 27.05.2024

Салахова Альбина Олеговна,
аспирант,
Саратовский государственный университет,
410012, Россия, Саратов,
Астраханская, 83.
AlyBellamy@mail.ru

Salakhova Albina Olegovna,
graduate student,
Saratov State University,
83 Astrakhanskaya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
AlyBellamy@mail.ru